

Православная культура в школе

Мир русского городского быта

Учебный курс «Основы православной культуры» — предмет культурологический. Статья, которую мы предлагаем, — об истории русского быта, обрядах, традициях.

Калерия Лисова,
ведущий научный сотрудник лаборатории сельских школ Института содержания и методов обучения РАО, кандидат педагогических наук

В представлении современного человека облик русского города прошлого забыт, стёрт, почти не виден среди позднейших застроек, перепланировок, реставраций, которые часто не соотносятся с историческими, архитектурными, национальными традициями. Каждому городу, большому и малому, судьба определила своё место в истории народа и государства. Город был сосредоточием экономической, политической, военной, культурной жизни и всегда манил человека возможностью реализовать свои способности, разбогатеть, получить образование, должность, окунуться в мир искусства. Поэтому город становится важным источником познания прошлого, углубления знаний о национальной культуре, этнических особенностях населения и в целом истории края (региона).

Предлагаемый материал можно использовать в краеведческих курсах.

Жизнь городского населения всегда была под пристальным вниманием государства. Создавались новые должности, перекраивались территории, назначались губернаторы и градоначальники, учреждались городские думы и управы. А задача городских властей была сформулирована ещё Петром Первым: «чтобы пошлины собирались неоплошно с великим радением», а XIX век добавил ещё ответственность и за «состояние умов» горожан.

Особой обязанностью городов была ещё с петровских времён поставленная задача «купечество и мануфактуры размножить». Поэтому важное место в жизни города всегда занимала *торговая площадь*. Если на площади перед главным собором города устраивались важные общественные сборища, произносились торжественные речи и собирались горожане

для обсуждения и решения мирских дел, то торговая площадь — городской хозяйственный центр.

Обычно от Торга начинались главные улицы города. На торговой площади скапливались все припасы и товары. Так, в Новгороде Великом, например, свыше полутора тысяч лавок, палаток, лотков образовывали на Торгу более сорока торговых рядов, которые тянулись от самого Волхова, ведь у его берегов стояли суда из европейских стран, с Каспия, волжских городов. Новгород был посредником в торговле с многими русскими землями.

Со временем на главной торговой площади города стали строить гостиные дворы, где останавливались купцы, хранились их товары и велась торговля. Как правило, это было прямоугольное в плане здание, в два или три этажа, где устраивались торговые и складские помещения. Иногда площадь Гостиного двора обносилась деревянной или каменной стеной. Тогда вне ограды торговля строго запрещалась. Торговцы обязаны были платить пошлины, поэтому на торговой площади, а чаще в самом гостинном дворе находилась *таможенная изба*.

На городском торжище торговали не только купцы и ремесленники. Свои товары привозили и монастыри. Так, Кирилло-Белозерский монастырь имел разрешение на торговлю солью и ставил свои соляные дворы во многих торговых городах. В Твери ему был отведён участок на берегу Волги «у городского рва» для соляного амбара, а на торговой площади монастырь имел свою лавку.

Тверь располагалась на удобных торговых путях, и товары

здесь были из самых разных мест. Купцы продавали много изделий тверского мастерства: гвозди, замки, пилы, иглы, мыло, щепной товар. Купцы на еженедельных торжках в сёлах скупали «деревенские товары» — скот, домашнюю птицу, зерно, мёд, воск. Одни из этих товаров продавались затем в лавках тверских торговых рядов, другие — лён, сало, воск, меха — шли на продажу в западные страны.

Ремесло и торговля приносили жителям городов значительные доходы. Наиболее состоятельные могли иметь просторные жилища, приобретать привезённые из других стран товары.

В торговых лавках продавцы всегда — мужчины. Женщин, как отмечают в своих записках посетившие нашу страну иностранцы, можно встретить исключительно редко. Теофиль Готье, французский писатель, посетив знаменитые рынки Петербурга в 1858 г., обратил внимание на торговцев, купцов средней руки. «В основном на них старинные русские костюмы: суконный синий или зелёный кафтан, застёгнутый на одну пуговицу у плеча и схваченный на талии тугим поясом, большие кожаные чёрные сапоги, длинные, висящие по обеим сторонам волосы разделены на прямой пробор. Они короче подстрижены на затылке, чтобы не мешать на воротах. Вьются светлые или орехового цвета бороды. У многих прекрасные, серьёзные, умные и добрые лица... Завидев, что вы останавливаетесь перед лавкой, они вежливо приглашают войти, и даже если вы ограничитесь покупкой нескольких пустяков, они покажут вам весь свой арсенал...»¹

¹ Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. С. 142–143.

Представители почти всех городских сословий имели свои корни в деревне. Они сами или их деды и прадеды пришли из деревень с котомками и в лаптях. В городе пристраивались к мастерству, торговле, и те, которые были крепче характером, посмекалистее, наживали деньги, и из простых мастеровых становились хозяевами, порывали с деревней, приписывались в мещане, а из торговцев-приказчиков выходили в купцы, становились богатыми людьми, иногда миллионерами. Таковы Морозовы, Корзинкины, Рябушинские, Бахрушины. Но в привычках, в быту, в нравственном развитии в них сильны были традиции дедов и прадедов, а жизнь лишь отшлифовала их внешне.

У главной торговой площади города имелась и такая особенность. Это было место, где совершались всякого рода частные акты, писались челобитные, купчие, меновые и другие документы. Люди, которые этим занимались, назывались «*подьячие площадные*». Промышлявшие на площади «*кормили пером*», это были люди грамотные, знающие основные законы, умеющие писать деловые бумаги.

Здесь же толпилось духовенство, ушедшее из своих приходо-в для вольного промысла саном священника и дьякона. Получив отпусковую грамоту от архиерея, духовное лицо могло свободно переходить из города в город. Они предлагали свои услуги тем, кто хотел отслужить молебен на дому, благословить поминальную трапезу, справить в доме сорокоуст и любые другие требы.

Во времена крепостного права на рынках были специальные площадки, где велась торговля крепо-

стными людьми. После его отмены в 1861 г. здесь происходил наём прислуги, горничных, кухарок, ку-черов.

Жилище горожан. К XVII в. постепенно уходят в прошлое **курные** избы. Но тип дома, его планировка оставалась традиционной. Это сруб-клеть, часто в связи две или три клетки.

Самым распространённым жилищем в городах было двухэтажное строение, верхний этаж его назывался избой, а нижний подклетом. Избы без подклета, так называемые «*поземные*», имели только самые бедные жители. Городские постройки, дома и даже мостовые были в основном деревянными. Каменными были культовые здания. Строительство каменных жилых домов и различных общественных зданий началось где-то в XVI в. Во Пскове, например, это связано с тем, что Василий III приказал освободить Кром от клетей бояр и купцов, где крепостные стены надёжно укрывали их богатства от пожаров и разграблений. Теперь надо было строить дом так, чтобы хотя бы часть его была надёжно защищена. Так появились дома с нижним каменным этажом, где хранились товары и разное имущество. Окон здесь было мало, они были забраны решётками и закрывались железными ставнями.

Верхние 1–2 этажа были жилыми. Один мог быть каменным, другой — деревянным.

Высокое нарядное крыльцо, обильно украшенное резьбой, вело в *сени*, рядом с сенями в богатых домах — палаты для приёма гостей. Комнаты были хорошо освещены многочисленными окнами, отапливались большими печами, цветные узорные изразцы которых были великолепным украшением

палат. Между собою этажи сообщались лестницами. Хозяева дома жили в верхних деревянных этажах, где помещались тёплые спальни и светлицы, а над ними летние помещения для отдыха: сенники, горницы.

Во Пскове до настоящего времени сохранились так называемые Поганкины палаты, построенные в первой половине XVII в. Сейчас они отреставрированы и являются музеем. Здание можно осмотреть и снаружи, и изнутри. Палаты состоят из трёх частей: трёхэтажной, где жил хозяин дома, двухэтажного дома его старшего сына и одноэтажной поварни. Стены палат очень толстые — около двух метров, а в некоторых местах и больше. Над всеми частями дома были когда-то верхние деревянные этажи, над поварней жила челядь, прислуга. Два каменных крыльца вели во вторые, жилые этажи. Над крыльцами, как правило, надстраивались крытые **гульбища**, напоминающие более поздние крытые балконы.

Едва ли существовал единый план дома при его строительстве, дом «разрастался» с увеличением семьи. Женились сыновья, и к дому пристраивались дополнительные помещения на подклети, надстраивались этажи. Вырастали дочери — ставились девичьи терема-светёлки. Так возникали ярусы домов, иногда до четырёх этажей.

Посетителя из передних сеней провожали на жилую половину хором, в первое помещение, которое называлось «передней». Хозяин дома выходил к гостю сюда. Идти дальше мог только близкий семье человек. За «передней» была «комната», где семья проводила дневное время. Здесь трапезничали в будние дни. По периметру в таких комнатах были изначально

встроенные лавки, достаточно широкие, они служили для дневного отдыха или ночного сна.

Дневной сон был особенностью русского быта. Отдыхали после обеда люди и высокого, и низкого звания. Иностранцев удивляло, что из-за полуденного сна нельзя говорить ни с кем из вельмож и купцов. Флётчер пишет: «После обеда ни с кем нельзя ни о чём говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда так точно, как и ночью». Даже торговля замирала, «лавочки и мальчишки их лежат и спят перед лавками».

Лавки как место для сна упомянуты здесь не случайно, так как такой предмет обстановки, как кровать, в русском доме редко можно было встретить. Европейец, приехавший в Петербург в середине XIX в., с удивлением пишет: «За ширмой или за одной из решётчатых перегородок... прячется низкая кровать, похожая на походную или на диван. Русские — восточные люди, и даже в высших слоях общества не стремятся к утончённости спального места. Они спят там, где находятся, повсюду, ...часто в шубах, на широких диванах, обтянутых зелёной кожей, которые встречаются в каждом углу». (Т. Гюте). «Служанки спят в чуланах, а мужская прислуга валяется на лестницах, в прихожих и даже, говорят, в гостиных, прямо на полу, подложив под голову подушку... Иногда можно увидеть парадную постель — предмет роскоши, который показывают из уважения к европейским обычаям, но которым никогда не пользуются» (А. Кюстин).

Дом русского человека, христианина считался малой цер-

ковью, и поэтому в доме всегда были иконы. В боярских палатах, в царских теремах, в избах зажиточных посадских людей были специальные моленные комнаты. В этих комнатах находилось больше икон, чем в других. Сюда собирались для молитвы домохозяева: члены семьи, прислуга. Хозяин как глава семьи читал вслух молитвы. Зажигали лампы и свечи, курили ладан.

Если не было специальной моленной комнаты, то в каждом помещении в красном углу стояли специальные поставцы и полочки-божницы для икон. Перед ними обязательно теплились лампы. Иван Сергеевич Шмелёв, известный русский писатель, вспоминал из детства, что лампы меняли в зависимости от праздника: пунцовые лампы, пасхальные, в Рождество — голубые, во время постов зажигали «постную», голого стекла лампадку.

Дом православного был отмечен иконой над крыльцом или воротами для защиты от всякого зла, недобрых помыслов. Входя и выходя, каждый осеял себя крестным знаменем. Иконы помещались не только над входом в дом, но и в сенях. Там обычно ставили небольшие образки, а также деревянные или металлические кресты.

Каждый пришедший в дом обязательно, прежде чем здороваться с присутствующими, как бы знатны они ни были, осеял себя крестным знаменем и кланялся иконам и только потом, в порядке знатности и старшинства — всем находящимся в комнате.

В жилищах всегда много цветов. Один французский путешественник сказал: «Цветы — это истинная русская роскошь!» Они украшают и жилище мещан и дома бо-

гатых людей. У одних яркие бальзамины и герани на окнах, у более зажиточных «цветы встречают вас у двери и поднимаются с вами по лестнице. Исландский плющ вьётся по перилам. В амбразурах окон банановые пальмы, магнолии и древовидные камелии...» Наверное, при помощи этого изобилия зелени в комнатах в долгие зимние месяцы горожанин сохраняет память о лете, отдыхает и утешает себя в период зимней белизны.

На Руси любили яркие краски: сукна красные и зелёные, золотом вышитые шелка, в богатых домах персидские ковры и расписные потолки. В домах старались всё «укрывать и покрывать». Обивали стены, двери, застилали яркими коврами лавки и диваны, в домах победнее покрывала были домотканые, скатерти вязаные, цветные и белые.

Дома состоятельных горожан — это не единично стоящее строение. Это большой двор, обнесённый крепким забором. В центре — хозяйский, господский двор. По периметру двора или на самом дворе располагались погреба с наподгребицею, ледники, амбары, сушила, конюшня и каретный сарай, хлевы, избы дворни, если она была многочисленной. Все эти хозяйственные постройки в усадьбах поскромнее располагались в одном или двух дворах: переднем и заднем. В богатых боярских, дворянских усадьбах могло быть несколько дворов за отдельными заборами: конюшенный, птичий и т.д. В усадебных садах строились оранжереи и выращивались диковинные растения. В прудах разводили ценную рыбу.

Побываем в дворянской усадьбе XVIII века. Все парадные комнаты в доме с панелями, а стены

и потолки затянуты холстом и расписаны клеевыми красками. В зале нарисованы на стенах охота, в гостиной ландшафты, в кабинете то же, а в спальне стены расписаны боскетом или затянуты драпировкой. Всё это было нарисовано домашними мастерами. В дворянской усадьбе в те времена были свои мастеровые всякого рода: столяры, кузнецы, каретники; столовое бельё ткали дома, кроме того, были ткачи для полотна, был свой кондитер. В гостиной мебель была ильменовая, «обита чёрною кожей с золотыми гвоздиками; это было очень недурно и прочно. На окнах были шторы из парусины, расписаны на клею, но гардин и драпировок не было нигде, только в отдельных комнатах были подзоры (или подборы, как тогда говорили) на окнах... Посуда была вся оловянная: блюда, чаши, миски; только впоследствии появляются серебряные столовые сервизы»².

Как ухаживать за домом и двором, записано в книге правил и наставлений «Домострой». Составленная в XVI веке, она на многие годы определяла все стороны жизни русского человека. «А в избе и стены и лавки, пол и окна, и двери и скамьи, и в сенях, и на крыльце... всё вымыть и вытереть, и вымести, и выскрести, всегда бы чисто было: и лестница, и нижнее крыльцо. А перед нижним крыльцом положить соломы, чтобы грязные ноги отирать, тогда и лестница не загрязнится, в сенях же перед дверями ветхий войлок положить... В плохую погоду у нижнего крыльца солому сменять грязную и новую класть, да и у сеней войлок прополоскать и высушить... Во

дворе и перед воротами на улице слуги всегда подметают мусор и выгребают грязь, а зимою и снег разгребают. А щепки и опилки и прочий хлам прибираться... В конюшне же и в хлеву... всё припрятано и подчищено, и подметено».

Наружность горожан. Об этом часто пишут иностранцы. По запискам Флётчера, русские мужчины «большой частью роста высокого и очень полны, почитая за красоту быть толстым и дородным, и вместе с тем стараясь отпустить и растить длинную и окладистую бороду».

Думается, что это наблюдение верно, так как даже в XIX в. кучеру, например, за дородность платили большее жалованье, чем художавому.

«Усы у них свисают низко над ртом. Волосы на голове только их попы или священники носят длинные, свешивающиеся на плечи; у других они коротко острижены», — пишет Олеарий.

Французский путешественник Астольф де Кюстин, посетивший Петербург в сороковых годах XIX в., отмечает, что народ русский достаточно красив. Мужчины чисто славянской расы, отличаются светлым цветом волос и яркой краской лиц, в особенности же совершенством своего профиля. Их миндалевидные глаза имеют азиатскую форму с северной голубоватой окраской и своеобразное выражение мягкости, грации и лукавства. Когда эти глаза смеются, они становятся живыми, подвижными и очень привлекательными. Рот, украшенный шелковистой, золотисто-рыжей

² «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений...» Л. Наука, 1989. С. 22–23.

бородой, открывает ряд белоснежных зубов, большей частью совершенно ровных.

Разным был взгляд иностранцев на русских женщин. По мнению Олеария, они среднего роста, красиво сложены, нежны лицом и телом. А. Кюстин, сравнивая русских мужчин и женщин, считает, что женщины из народа менее красивы. Они редко встречаются на улицах и кажутся огрубевшими, имеют тяжёлую поступь, может быть, из-за высоких кожаных сапог, которые они носят. Наверное, француз видел на улицах Петербурга женщин — фабричных работниц и прислугу из состоятельных домов, спешащих на рынок или с поручениями, а тяжёлый труд не способствует лёгкости походки.

Сапоги русские женщины любили и носили всегда, но на высоком каблуке, преимущественно цветные, из тонкой кожи. Каблуки были достаточно высоки, на «три пальца» и больше, особенно модничали девушки на выданье.

Придворные дамы также не покорили его красотой, «но в высшем свете грация и элегантность часто заменяют собою правильность черт лица и стройность фигуры... Во всех классах, правда, проявляется врождённое изящество, какая-то естественная деликатность которую не уничтожали ни варварство, ни заимствованная цивилизация...»

Теофиль Готье, французский писатель, в своих статьях о России второй половины XIX в. подчёркивал, что женщины «из общества» очень развиты. С лёгкостью, вообще характерной для славян, они читают и говорят на разных языках. Многие читали в подлиннике Байрона, Гёте, Гейне. У них

нет акцента, только лёгкая, не лишённая прелести мелодичность. Замечательно приятен и их голос, низкий и мягкий.

Одежда горожан. Ткани и кожа, из которых шилась одежда, сохраняются плохо. Поэтому до нас дошло чрезвычайно мало предметов одежды раннего периода, так что о многом можно говорить, опираясь только на упоминания и сохранившиеся изображения. Лишь от XVI в. есть небольшое количество реальных предметов. Широко применялось в начальные периоды общее название одежды — **порты**, с XVI в. встречаются в документах более частное — **штаны**. Для одежд духовенства и господствующего класса было и другое название — **ризы**.

Основной частью костюма крестьян и горожан, мужчин и женщин, богатых и бедных, без которой вообще не мыслилась одежда, была рубаха или сорочка. Татары «и жён и девиц одираху до последней наготы до сорочиц», — записал летописец. Особенно украшалась верхняя рубаха, *верхница* женская. «Они носят рубашки, со всех сторон затканые золотом, рукава их сложены в складки с удивительным искусством, продолжают до конца руки, украшаются изящными и дорогими запястьями». Длинный рукав закреплялся на кисти руки металлическим или стеклянным обручем, браслетом. Их-то и находят в древних погребениях, на внутренней стороне украшения сохранились отпечатки полотняной ткани.

Мужчины носили длинную одежду. Герберштейн свидетельствует: «кафтаны они носят длинные, без складок, с очень узкими рукавами... узелки, которыми застёгивается грудь, на правой сто-

роне,... они подпоясываются отнюдь не по животу, но по бёдрам и даже отпускают пояс до паха, чтобы живот больше выдавался». Зимний **кафтан** — шубный. Он мог быть до колен и до лодыжек, свободный или в талию, из плотной хорошей материи, в подавляющем большинстве случаев — распашной, одна пола находила на другую. Он мог быть на пуговицах или на завязках, спереди несколько короче, чтобы полы не мешали при ходьбе. У князя Оболенского среди одежды «кафтан на пупках собольих, кушаки цветные с золотом, пуговиц девять». Богатые любили многослойность одежды. Так, под кафтан надевался **зипун** — облегающая верхняя одежда до колен. Он мог быть стёганым, украшался вышивкой золотой или серебряной нитью. Украли однажды у смоленских купцов «лазоревый зипун на красной подкладке, с серебряными пуговицами и с зёпами — карманами».

Богатой была одежда князя. Носили **корзно** — так называлась княжеская мантия, тёплый широкий плащ с меховой опушкой. Он накидывался сверху и застёгивался, как правило, на правом плече запонкой с петлицами. Были и другие виды плащей — **вотолы**, **приволека**. Князь Дмитрий перед Куликовской битвой «приволеку свою царскую возложил» на друга и оруженосца Михаила Бренка. Это переодевание в одежду простого воина спасло князю жизнь в том кровавом сражении.

К вышедшим из применения видам одежды относятся **охабень** — длиннополая одежда с прорехами под длинными рукавами, которые завязывались сзади. Также и **опашень** — летняя верхняя, чаще мужская одежда, с коротки-

ми широкими рукавами, накидывался он на **кафтан**. «На великом государе царе был опашень золотом, с низанным кружевом и нашивкою» (В. Даль). Из дорогой ткани (парчи, бархата и тафты) носили опашень и царицы.

Традиционной русской одеждой был **сарафан**. Его носили горожанки всех сословий. Покрой был таков, что давал возможность украшать его вышивкой золотыми и серебряными нитями, отделывать дорогими тканями, парчой, атласом, мехом. В домострое сарафан иногда называется шубкой — «шубка женская холодная, атлас красный, кружево кованое золото». Любили женщины *душегреи* и *телогреи*, последние делались с рукавами.

По одежде, вернее, по головному убору, можно было отличить девушку от замужней женщины. Девушки заплетают одну косу и пускают её по спине, привязывая внизу красную шёлковую кисть или ленту. Во время свадьбы молодухе заплетают две косы. На блюде перед местом невесты «поставить *кику*, да положить под кикую **назатыльник** да **подубрусник**, да **волосник**, да покрывало положить», — читаем в Домострое. Это были женские головные уборы. Если в доме был достаток, то они из цветной материи, из бархата, золотой парчи, расшивались жемчугом. Любили женщины платки и шали.

Русские люди всегда любили меха. В суровом северном климате он необходим. Женщины богатые носили шубы из чёрного атласа и других тканей. Они украшались соболями, голубыми сибирскими песцами.

Издавна на Руси шкурки благородных лесных красавиц были

предметом торга, их дарили знатным гостям, послам, отправляли в качестве даров в европейские царственные дома. Джером Горсей, английский дипломат и коммерсант, привёз своей королеве из России подарки от царя Бориса, где среди прочего были «четыре богатых связки чёрных соболей, шесть больших белых с пятнами рысьих шкур, две белые шубы из горносталя».

Надо сказать, что начиная с петровских времён стремительно менялся женский быт. Поведение, костюмы, причёски русской женщины в XVIII и последующих веках стали совершенно иными. Стремясь приблизиться к типу европейской светской женщины, модницы старались изъять из своего облика, костюма малейшие черты костюма допетровского. Отсюда парики, корсеты, фижмы, мушки. К XIX веку лишь кормилицы в городских семьях носили сарафан с кокошником.

Девятнадцатый век дал новое направление женской моды, стремление к естественности и простоте. Уходят в прошлое тяжёлая парча, корсеты. Женщины и мужчины отказываются от париков. Лёгкие ткани, онегинские платья, рубашки с высокой талией, открытые плечи, романтическая бледность — таков портрет аристократки времён Жуковского, Рылеева, декабристов.

Детская мода формируется тоже примерно в это время. В начале XVIII века детей одевали в маленькие мундиры, шили им маленькие, но по фасону взрослые одежды. На рубеже веков появляется детская одежда, детские комнаты, детские игрушки, книги и даже журнал «Детское чтение для сердца и разума».

Частым изменениям подвергалась военная мода. Мундиры были учреждены ещё Петром I, для гвардейского Преображенского полка — зелёная униформа, для Семёновского — синяя. Позднее вся гвардейская пехота была одета в зелёные мундиры. Офицерский мундир был одного покроя с солдатским, отличаясь от него золотыми галунами, офицерским нагрудным знаком и шарфом на поясе. Постепенно требования к мундиру усложнялись. Если учесть, что русские императоры были военными, то понятен их интерес к военной форме. Все изменения мундиров подписывались лично императором. Каждый род войск имел свой фасон мундира и цвет «мундирного прибора». Суконная часть прибора — воротники, обшлага, лацканы, металлическая — эполеты, аксельбанты, пуговицы, эмблемы на шапках. Каждая деталь костюма имела значение. Гусары, например, имели кивер с белым султаном, но у офицера конец султана был чёрным, а воротник обшит золотым галуном. У рядовых — простым жёлтым.

Отдадим себе отчёт, что всё сказанное выше характерно для дворянской культуры городов столичных и крупных губернских. Провинция уездная была более консервативна, и приверженность традиционному укладу жизни, одежде, многим обычаям была достаточно стойкой.

Конец XIX века. Небольшой уездный городок Валдай на берегу прозрачного озера того же названия. Здесь, читаем в альманахе «Памятники Отечества», «девушки продавали на улицах **баранки с поцелуями**, в праздники летом, вырядившись в жемчуг, што-

фы³ и парчу⁴, выходили на площадь играть в лунки или хороводы; зимой же, днём, в штофных, со стоячим воротником полушубках, накинутых на одно плечо, катались на лошадях по улицам...»

А в Торжке, славящемся золотым шитьём, всюю щеголяли в расшитых золотом шубках, шапках, сафьянных⁵ сапожках. Традиционный праздничный костюм состоял, по описаниям, из сарафана, рубахи с расшитыми золотом белыми кисейными рукавами и фартука. Злато-серебром и речным переливчатым жемчугом был украшен головной убор — сборник, сверх которого накидывался ещё и платок с богатой вышивкой золотом. Ну и, конечно, с золотым же узором сапожки.

Для полноты картины представим себе улицу крупного города, заполненную горожанами.

Идут чиновники в длинных рединготах со складками на спине, сдвинутыми назад под затянутым поясом. Вместо шапки у них тёмного цвета фуражка с кокардой.

Спешит гимназист в казённом разночинском стуртучке из малинового сукна с голубым воротником и обшлагами на голубом же шерстяном подбое с медными жёлтыми большими пуговицами и в треугольной поярковой (из тонкого войлока) шляпе.

Промчался фельдъегерь в военной форме, вооружённый пистолетом и саблей, на груди у него фельдъегерская сумка с документами.

Прогуливаются молодые люди, не военные и не служащие, одетые в пальто, сделанные из тонкого сукна на куñем или нутриевом меху с бобровыми воротниками.

Мужчина в синем кафтане с застёжкой на груди сбоку, с собранными симметрично по бёдрам складками. На голове фуражка с плоским дном и надвинутым на лоб козырьком. Волосы и борода у него разделены надвое. Это приказчик спешит в магазин или лавку.

Вот женщина «из простых», горничная или служанка. На ней ватное пальто из дешёвой материи тёмного или серого цвета, доходящее до середины ноги, из-под него видны ситцевая юбка, на ногах башмаки грубой кожи. На голове завязанный под подбородком платок, спускающаяся на плечи шаль.

Вот в карете камер-юнкер в парадном мундире тёмно-зелёного цвета с красными обшлагами и воротником, с богатым золотым шитьём на груди, с золотыми кистями по бокам, в белых суконных панталонах и в шитой золотом шляпе с белым плюмажем⁶.

В ожидании седока или хозяина колоритная фигура — кучер. Он крупный, массивный. На нём синий кафтан, застёгнутый под левой рукой, на пять крючков или пять серебряных пуговиц, собранный складками по бокам и затянутый жёлтым шерстяным кушаком, открытая мускулистая шея, широкая окладистая борода.⁷

³ Штоф — шёлковая плотная ткань, обычно с разводами.

⁴ Парча — шёлковая ткань, протканная золотом, серебром.

⁵ Сафьян — выделанная козловая кожа различной краски.

⁶ Плюмаж — перьяная опушка на шляпе.

⁷ Кучер, частный извозчик ездил по городу на своих лошадях, но в одежде должен был подчиняться определённым правилам: «Зимой и осенью кафтаны и шубы иметь, какие кто пожелает, но шапки русские с жёлтым суконным верхком и опушку чёрною овчиною, а кушаки жёлтые шерстяные, летом... балахоны тип халата иметь белые холстяные, а шляпы чёрные с перевязью жёлтою,.. кушаки жёлтые ж». (цит. по кн.: Лотман Ю.М. Беседы «о русской» культуре. СПб. «Искусство СПб», 1997. С. 32).

Питание горожан. Условия жизни накладывают на каждую нацию уникальные, только ей свойственные особенности быта и характера. Неповторимую индивидуальность нашего народа отражают особенности русской кухни и питания. Способам приготовления пищи и её составу большое внимание уделяется в Домострое. — «Господину же с женою о всяких делах семейных советовать, ключнику наказывать, как челядь кормить каждый день, переменя чаще: хлеб решетный, щи да каша с ветчиной жидкая, а иногда и крутая с салом, и мясо, если будет к обеду, в воскресенье и в праздники иногда пироги, иногда и кисель, а иногда блины или иная какая еда; на ужин щи да молоко или каша, а в постные дни щи да жидкая каша, иногда с вареньем, когда и сушник, когда печёная репа, да в ужин иногда и капустные щи, толокно, а то и рассольник или ботвинья, по воскресеньям и праздникам к обеду какие-нибудь пироги, или густые каши, или овощи, или селёдочная каша и что Бог пошлёт».

Здесь видно, что основу питания составляло зерно и мука. Варили различные каши, пекли ржаной хлеб на закваске, ситный из муки мелкой, просеянной на *ситках*, и *решетный* из более грубой муки, просеянной через решета (ячейки более крупные). Из пшеничной муки выпекались на дрожжах калачи, мягкие коврижчатые и тёртые. Тесто для них долго мяли и тёрли, отсюда и пошло выражение «тёртый калач» в отношении человека, многое испытавшего в жизни. Овёс шёл на изготовление муки и толокна. Толокно готовили особым образом. Сначала овёс выдерживали ночь в тёплой

русской печи. Мука из такого зерна получалась с особым вкусом и ароматом, легко заваривалась. Это была не каша, а что-то лёгкое и очень питательное. Толокно в основном полдничали.

Но главным и чисто национальным русским изделием были *пироги*. Пекли их с различной начинкой — капустой, кашей, горохом, грибами, ягодами и многим другим. Причём, в разных территориях России были свои «пристрастия» к определённым видам пирогов. Так, в районах рыболовства на севере России, в Сибири, на Дальнем Востоке любили «рыбники» с судаком, треской, навагой, форелью. Запекали рыбу в дрожжевом пшеничном и пресном ржаном тесте целиком и кусками, иногда с крупой. В средней полосе и в Поволжье пекли «курники», начиная их курятиной, куриными потрохами, а позднее и другим мясом. Славилась московские «растегай» — круглые пироги с открытой серединой. Начинка самая разная: с мясом и яйцом, грибами и рисом, с рыбой. Пекли их для себя и на продажу. Без таких пирогов не обходился ни один трактир, особенно на дальних почтовых перекрестках.

Пироги — это всегда какое-то торжественное событие — встречи и проводы, праздничный и свадебный стол. Хотя на свадьбе главным был *каравай*. В его выпечке традиция закрепила определённые правила. Тесто готовили молодые женщины, имеющие детей и способные рожать. Считалось, что они «передадут» силу деторождения и молодой паре. Каравай украшался листочками, веточками, розетками из теста. Этим должны были заниматься молодые девушки. Угощались караваем на второй

день свадьбы, когда за столом соберётся вся родня. Вырезалась круглая серединка — её отдавали молодым, оставшуюся часть резали пополам — для родни с той и другой стороны. Считалось, что в молодой семье соединялась сила двух родов, способных разделить радость и помочь в горе.

Основу питания горожан составляло, как видим, зерно, мука. Даже хмельные напитки пиво и «брага винная» изготавливались из солода ржи и ячменя.

Питание разнообразилось овощами. При каждом дворе имелся огород, выращивались репа, капуста, редька, свёкла, огурцы. Обязательно сажали лук и чеснок, их клали в кушания и ели с хлебом.

Зажиточные люди разводили на огородах кроме овощей ягодные кусты и плодовые деревья: яблони, груши, сливы, вишни, и почти везде ореховые аллеи. От тех давних времён дошли до нас упомянутые в писцовой книге названия сортов яблок: бель, аркат и др. Цветников было мало, однако разводили розы махровые, шиповник, касатики, нарциссы, пионы.

Кроме овощей и фруктов, в пищу употребляли различные ягоды: чернику, малину, смородину, бруснику, клюкву. Иногда малину и смородину не только собирали в лесу, но и сажали на огородах. Ягоды умели заготавливать впрок, сушили их, делали пастилу, морс. Грибы считались постной пищей, и в непроходимых наших лесах было их великое множество, они занимали в питании заметное место. Упоминаются в «Домострое» солёные рыжики и грузди, да пироги «с грибами и с рыжиками и с груздями». Весной готовили кушания из сморчков, а осенью — грибы варёные и печёные. Город-

ские жители имели возможность не только собирать грибы в соседнем лесу, но также купить привезённые из деревень и в «дешёвую пору сушить грибы, грузди солить и рыжики» на всю долгую зиму.

Особое место в питании занимал мёд: заваренным на солоде чистым самотечным мёдом (сытой паточной) заливали яблоки различных сортов. Замачивали в патоке вишни и яблоки, умели делать варенье из дынь, а также сладкие блюда из редьки.

Из мёда готовились не только сладости, но и хмельные напитки. В особой главе «Домостроя» «Как сытить мёды всякие» даются наставления, как получить мёд светлый, паточный, простой, боярский, с пряностями, ягодный. Уже указывалось, что в хозяйствах горожан содержался скот и домашняя птица. В пищу употребляли говядину, баранину, свинину, кур, гусей, а также молоко, сметану, творог, коровье масло, яйца.

Наши предки умели готовить множество кушаний из мяса лосей, зайцев и дикой птицы, начиная от лебедей и журавлей и заканчивая жаворонками. Зайчатина в силу её доступности была особенно в чести. К столу она подавалась запечённой, заливной, в лапше, с репой. Приготавливались заячьи почки — заливные и на вертеле, лапки, пупки, заячья вырезка на вертеле. С зайчатинной пеклись караваи.

Однако вся эта пища относилась к «скоромной», и в постные дни (а таких дней насчитывалось более 200) есть её не разрешалось. Позволялась растительная пища да рыба. Из рыбы варили уху, похлёбки, каши, разваривали на пару, запекали, пекли пироги. Не забывали и разнообразные

мучные блюда. «Домострой» рекомендует: «А на Великий пост среди мучного постные блюда — блины да луковники, да левашники, да пироги подовые с маком, да кисели, и сладкие, и пресные. А сладкое — в какие дни доведётся: ломти арбуза и дынь в патоке, яблоки в патоке, груши в патоке, вишни, мазуни с имбирем, с шафраном, с перцем, патока с имбирем, с шафраном, с перцем, напитки медовые и квасные простые с изюмом да с пшеном, шишки, пастила из различных ягод, редька в патоке».

В Домострое «записи на весь год, что к столу подавать», содержат большое разнообразие кушаний. Но учтём, что множество блюд, такие как «медвяные» лебеди, тетерева под шафраном или рябчики, пропитанные запахом можжевельных ягод, готовились только для больших пиров у богатых людей. Просто горожане разного состояния могли выбрать из предлагаемого перечня то, что им доступно.

Посмотрим, как накрывали столы в дворянской семье (XVIII век). «В то время кушанья не подавали из буфета, а всё выставляли на стол, и перемен было очень много. В простые дни, когда *за-свой* (т.е. только свои, домашние) обедают, и то бывало у бабушки всегда: два горячих — щи да суп или уха, два холодных, четыре соуса, два жарких, два пирожных... А на званом обеде и того более: два горячих, уха да суп, четыре холодных, четыре соуса, два жарких, несколько пирожных, потом десерт, конфеты, потому что в редком доме чтобы не было своего кондитера, и каждый день конфеты све-

жие... Часа по три продолжался званый обед.»⁸

Любили российские горожане пряники, баранки, сушки. Были известные на всю страну места, где эти изделия производились. Издавна славился пряничным производством волжский Городец. Здесь выпекалось до тридцати сортов пряников. Отличались они как по размеру, от самых мелких до аршинных (аршин — около 70 см), так и по вкусу — медовые, мятные, на патоке, с добавлением ванили и других пряностей. Выпекалось их ежегодно до десяти тысяч пудов (пуд — 16 кг).

Валдай известен своими кренделями, баранками, сушками. А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» записал: «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок!..» Зимой мешками вывозили их мужики в губернию и за её пределы — в Москву, в волжские города и даже в Сибирь.

Городские праздники и увеселения. В русских городах гуляния приурочивались к сезонным и церковным праздникам, иногда и к таким событиям, как победы, коронации. Так, в Москве их насчитывалось до тридцати в году. В зависимости от традиции, времени года, массовости они устраивались в определённые сроки и в определённых местах. Летние и весенние гулянья устраивали как в самом городе, так и в пригородах. В каждом городе народные гулянья имели свои «индивидуальные» черты, хотя было много общего. Так, зимой повсюду были ледяные горы, доступные любому горожанину, и обязательные катания, включая загородные прогулки на лошадях.

⁸ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений... Л. Наука, 1989. С. 10.

В Петербурге, например, зимой на масленицу горожане любили кататься на маленьких чухонских (финских) санках, вейках.

На Урале, в Екатеринбурге также строились горы, на которых с самого рождества по воскресеньям были шумные катания, причём бесплатные. Вокруг ледяных гор на масленице катались на лошадях. Бал здесь — типично местный обычай, сохранившийся с давних времён — катание «утугой» (толпой), когда собирается саней 30, а то и 50, и все вместе ездят по улицам, из одной в другую.

На протяжении всей масленицы шли представления в **балаганах**. Балаган — это разборная временная постройка для торговли и театральных представлений. Строились они обычно из досок. Крыша была или из полотна, или из сшитого толстого холста (рядина, рядно), или из старых мешков — всё зависело от достатков владельцев. Внутри ставилась сцена, вешался кумачёвый занавес на кольцах. В зрительном зале устанавливались простые, грубо сколоченные скамейки. Перед сценой была оркестровая «яма» на 10–15 музыкантов. В более богатых балаганах были и дорогие места — ложи, кресла.

По праздникам и в дни народных гуляний главная площадь застраивалась каруселями, катальными горами и бесчисленными лавчонками, в которых можно было покупать разные лакомства: пряники, орешки, стручки, леденцы, мятные лепёшки, семечки, а также баранки, сайки, калачи. Тут же, прямо под открытым небом, тянулись столы, уставленные сотнями стаканов, из которых можно было выпить горячего чаю, заваренного в толстых чайни-

ках с глазастыми цветами и разбавленного кипятком, который льётся из самоваров-великанов.

Непрерывной частью городских праздничных увеселений с начала XIX в. являлся «раёк» (или потешная панорама). Раёк — это небольшой квадратный ящик с двумя или тремя увеличительными стёклами впереди. Внутри его перематывается с одного валика на другой длинная полоса с изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, «по копейке с носа», глядят в стекло, а раешник передвигает картинки и рассказывает содержание каждой. Через увеличительное стекло райка можно было увидеть Адама с семейством, грешников, мучающихся в аду, изображение богатырей Ильи Муромца, Добрыни, Еруслана Лазаревича, богатого гостя Садко, русских царей, Наполеона, турецкого султана, виды русских и зарубежных городов, нравоучительные картинки на библейские и евангельские сюжеты. Потешные панорамы были своего рода обозрениями, устной газетой.

С XVIII века стал заметно различаться быт городов и деревень. На протяжении длительного времени городские гулянья и праздники полностью копировали крестьянскую традицию: определённые календарные сроки, формы проведения, например, ряженые на Святках, хороводы на Троицу. Но если низшие сословия городов хранили традиционную культуру, то высшее сословие ориентировалось на Запад, перенимало обычаи, подражало модам европейской знати. Во времена реформ Петра I городская площадь расцвела различными публичными зрелищами, уличными маскарадами,

торжественными шествиями, иллюминациями. Певчие и музыканты — военные и гражданские — исполняли «приветственные» и «панегирические» канты, играли «галантные» танцы. Пётр увлекался фейерверками и часто принимал в них участие, не жалея денег на их устройство. Так, в день провозглашения Петра I императором «несколько тысяч ракет взлетело в воздух, и от сего такой огонь сочинился, что казалось, что Нева загорелась».

Во времена царя Алексея Михайловича возник русский профессиональный театр. Государь очень любил представления. Его театр возник исключительно как придворный. В дворцовых сёлах Преображенском, Коломенском, Измайлове ставились переводные пьесы. Играли их иноземцы Немецкой слободы и русские, в основном из подъячих Посольского приказа. На сцене пели и танцевали, звучала инструментальная музыка, которую в официальной культуре не признавали (в чести была духовная музыка и пение). Спектакли были на библейские и исторические темы и шли иногда по 10 часов. Царь при этом сидел, не вставая с места, а приближённые, даже бояре, стояли, ибо в присутствии монарха им сидеть не дозволялось.

Со смертью «тишайшего» государя перестал действовать и его театр. Возродился он только при Петре I. Пётр придавал театру большое значение. Ему он отводил роль проводника своих преобразований. Так, в 1702 году Пётр I распорядился воздвигнуть в самом центре Москвы, на Красной площади, «комедийную хоромину» — первый публичный театр, на пред-

ставление которого могли приходить все желающие.

Интерес к театру пробудился в разных слоях городского населения. Об этом свидетельствует то, что бытовали театры: придворный, школьный, городской и устный народный. Сестра Петра Наталья Алексеевна создала в новой столице, в Петербурге, театр, разыгрывавший пьесы светского содержания. Театр был бесплатным и доступным для всех. Пьесы писала сама Наталья Алексеевна.

В городах вновь появились скоморохи — русские народные актёры, комедианты, гимнасты, сатирики. Их преследование было прекращено только при Петре I. Бродячие труппы скоморохов развлекали городской «простой люд». На масленице, на рождественские дни с их участием проводились народные театральные представления и традиционные шествия ряженных — пляски и игрища. Скоморохи играли на различных инструментах, среди которых были дудки, литавры, барабаны. Самым распространённым инструментом были гусли, относящиеся к XI веку.

Вместе со скоморохами по городским улицам ходили петрушечники. Театр их делался очень быстро: вокруг тела (по поясу) обвязывалась простыня, свободная сторона поднималась вверх, и над головой выстраивалось нечто вроде сцены, на которой и показывали различные, чаще кукольные, представления.

Чисто мужским развлечением были кулачные бои. Происходили они в праздничные дни на заранее определённых местах. Подростки, юноши и молодые мужчины созывались на них условным свистом, сигналом. Эти бои не были такими

уж безобидными, случались серьёзные увечья.

Наше путешествие в мир городского русского быта закончилось. Каждый город, не важно — велик он или мал, имеет своё лицо, свою судьбу, свою строку в исто-

рии народа и государства. Его история отразилась в жизни людей, о которых вспоминаем с благоговением, узнавая их нравы, традиции устройства дома, семьи, знакомясь с законами и правилами, которые определяли жизнь горожан.